

Алексей Толстой. Мираж

Авт.сб. "Эмигранты". М., "Правда", 1982.
OCR & spellcheck by HarryFan, 2 July 2001

За окном вагона плыла кочковатая равнина, бежали кустарники, дальние – медленно, ближние – вперегонку. Мой сосед сидел, засунув пальцы в пальцы. Глядел в окно.

Глаза у него были серые навывкате. Он жмурил их, когда курил папиросу, до половины покрывал веками, когда глядел на кочки и кустарники. Казалось, он устал от своих глаз, выдавших многое.

За час до границы он стал глядеть на лежавший в сетке чемодан, весь облепленный багажными наклейками, и заговорил тихим, глухим голосом...

...Я болтался на юге по холодным, опустевшим, неподметенным городам, по кофейням с лопнувшими стеклами, где продавались, покупались последние лохмотья империи. Писал в газетах. Ночью играл в карты. Я пил не слишком много, кокаина не нюхал. Зато я хорошо научился угадывать дни эвакуации по выстрелам на ночных улицах, по тону военных сводок, по особому предсмертному веселью в кабаках. Вовремя уносил ноги.

Я не был ни красным, ни белым. Грязь, тоска, безнадежность. Это было ужасно. Я так брезговал людьми, что научился не видеть человеческих лиц.

Наконец мне все надоело. Я погрузился в трюм на грязный пароход, набитый сумасшедшими, и уехал в Европу. Не важно – где я странствовал, как добывал средства на жизнь. Не важно. Жил скверно. Может быть, даже воровал. Все было бессмысленно, растленно... Пятнадцать миллионов трупов гнили на полях Европы, заражали смрадом.

Под конец – покойно, с любопытством даже – я стал ждать часа, когда омерзение к самому себе пересилит привычку – пить, есть, курить табак, ходить, добывать деньги и прочее...

Помню, одиннадцатого мая, утром я начал, как обычно, бриться и – швырнул бритву на умывальник. Час мой стукнул: не желаю. Я вышел на улицу и в ювелирном магазине продал часы и кольцо, – все, что у меня было. Затем я сел на улице под лавровым деревцом, выпил кофе, спросил у гарсона пачку юмористических журналов. Прежде чем их читать, я быстро решил: кончу сегодня, на рассвете, на мосту Инвалидов. Первый раз за много лет кофе казался так вкусен и журналы так забавны. Я развлекался, как мог, весь день. Вечером пошел играть в клуб на улице Лафайет.

В четыре часа пополудни я вышел из клуба. Я был в выигрыше – сорок семь тысяч франков. Во мне все тряслось, как на морозе. Утро было теплое, влажное. Я ощупывал в кармане толстую пачку денег, – это были какие-то новые возможности. Это изменило мое решение идти топиться с моста Инвалидов.

Я остановился около огромного окна трансатлантической компании, где была выставлена рельефная, с лесами и горами, синяя и зеленая карта. От материков к материкам тянулись красные нити. По ним шли пароходики со спичечную коробку. На них блестели окошечки из фольги. Я стоял и глядел, дрожа от волнения.

Пятнадцатого мая я сел в Гавре на "Аквитанию". Шесть дней пролежал в лонгшезе на верхней палубе, среди шумящих на морском ветру пальм и розовых кустов. Двадцать второго я сошел с парохода на набережной Нью-Йорка. У меня было непременное, восторженное сердцебиение: новый мир, новая жизнь, – Россия и Европа, войны и революции были прочитанной книгой.

У подъезда отеля мои чемоданы схватил негр-итенок в ярко-голубой куртке. Из зеркального лифта скалил зубы, как клавиши, другой негр-итенок в ярко-малиновой куртке. На двенадцатом этаже я вошел в лакированную штофную комнату. Я утонул в сафьяновом кресле и закурил зеленовато-влажную двухдолларовую сигару.